

Пальцы Цинь Яньчэна разжались, и Ши Чжоу, вырвавшись, судорожно схватился за горло, закашлялся, сердце бешено заколотилось, перед глазами потемнело, а потолок над головой закружился в вихре.

Слишком страшно.

Это удушье, эта близость смерти — всё вернулось, будто он снова оказался в ледяной реке, сковываемый ужасом умирания.

Прошло немало времени, прежде чем Ши Чжоу пришёл в себя настолько, чтобы дрожащими руками опереться и сесть. Он толкнул ногой Цинь Яньчэна, тот не двигался.

Глаза Цинь Яньчэна были плотно закрыты, лицо — белое как бумага. Даже в обмороке его брови оставались напряжённо сведёнными, а лоб покрывался холодным потом.

Собравшись с духом, Ши Чжоу наклонился ближе, чтобы проверить его состояние. К счастью, казалось, это был лишь кратковременный обморок. С трудом перевернув Цинь Яньчэна на спину, он приложил ладонь к его животу — область уже начала покрываться синяками от удара, кожа была холодной и натянута, под ней дергались судороги.

Как же больно должно быть, когда тебя бьют во время спазма... Неудивительно, что тот почти отключился.

Ши Чжоу тяжело выдохнул, не понимая, что вдруг нашло на Цинь Яньчэна. Но в итоге не смог просто так уйти. Он достал спазмолитики и, с усилием, заставил его проглотить таблетку.

Спустя мгновение Цинь Яньчэн тихо застонал, инстинктивно свернувшись калачиком, обняв руками живот, стискивая зубы, не издавая ни звука. Его затуманенный, растерянный взгляд метался — до ясности было ещё далеко.

Ши Чжоу уже собирался уйти, когда Цинь Яньчэн вдруг резко сел, напрочь игнорируя боль. На лице застыл испуг. Он попытался встать, но тут же рухнул на пол. Прежде чем Ши Чжоу успел подбежать, тот сжался в клубок, вцепился в голову и охрипшим голосом закричал:

— Я не болен! Я правда не болен!

Он дрожал всем телом, глаза налились кровью, дыхание было прерывистым и тяжелым — то ли от страха, то ли от боли, то ли от ярости, не поймёшь. Рубашка насквозь промокла от пота и прилипла к телу — весь его вид был воплощением полного раздвоя.

— Цинь Яньчэн?

— Цинь Яньчэн, очнись! Что с тобой?

Обычный пьяный так себя не ведёт. Ши Чжоу был искренне потрясён, несколько раз окликнул его — и вдруг до него дошло: у Цинь Яньчэна, возможно, действительно есть психологические проблемы.

Тот его не слышал. Бормотал себе под нос:

— Отвали... Я не болен... Отпусти...

И — в ужасе — Ши Чжоу увидел, как он начал со всей силы биться затылком о пол. Тотчас кинулся к нему и обхватил голову, не давая ударяться — ещё не хватало, чтобы он и мозг себе

повредил.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Цинь Яньчэн наконец затих. Его глаза были закрыты.

Ши Чжоу попытался перетащить его обратно на кровать, но тот оказался куда тяжелее, чем казался. Он комично боролся с весом — живую пятидесятикилограммовую хаски ещё можно поднять, но мешок риса того же веса — ни за что.

С трудом затащив его на матрас и стянув мокрую от пота рубашку, Ши Чжоу с облегчением рухнул рядом.

Ресницы Цинь Яньчэна дрогнули. Он слабо открыл глаза и прохрипел:

— Ши Чжоу?

Ши Чжоу тихо откликнулся:

— Угу.

Бескровные губы Цинь Яньчэна чуть приоткрылись, словно он хотел что-то сказать, но тут же вновь погрузился в беспмятство.

На следующее утро Ши Чжоу разбудил аромат еды. Он взглянул на часы — уже за девять.

Ночь выдалась тревожной: снились кошмары о том, как он тонет, от которых он не раз вскакивал, дрожа. И всё же, несмотря на беспокойный сон, часов, проведённых в постели, оказалось достаточно, чтобы почувствовать себя бодрее.

Цинь Яньчэн сидел за столом, с телефоном в руке:

— Не нужно. Я сам подъеду после обеда.

Заметив Ши Чжоу, он тут же завершил разговор — голос вежливый, ровный, как всегда:

— Ши Чжоу, завтрак.

Будто ничего и не было. Только бледность лица и едва заметная усталость его выдавали.

Ши Чжоу широко распахнул глаза и, стараясь не выдать себя, уставился на него.

Хорошо. Он не помнит, что было ночью. Так даже лучше.

Ши Чжоу прекрасно понимал, каково это — стыдиться. Никому бы не хотелось, чтобы их срыв кто-то увидел, а уж тем более такому человеку, как Цинь Яньчэн — гордому и уважаемому.

Что до удушения? Провоцировать пьяного в стельку психа, а потом снимать с него одежду и хватать за пресс — не то поведение, которым стоило бы гордиться. Впрочем, Цинь Яньчэн тогда себя не контролировал, а тот удар ногой, считай, уравнил счёт.

— Доброе утро, Цинь Яньчэн. А почему ты не в офисе?

— Не хочется сегодня, — отрезал тот.

— А? Совсем не похоже на тебя. Мистер Трудоголик, вечно занятой.

Цинь Яньчэн спокойно потягивал чай:

— Это ты так думаешь. На самом деле я никогда трудоголиком не был.

Правда заключалась в том, что он проснулся глубокой ночью от нарастающей боли в животе, и с возвращением трезвости память о пьяных выходках тоже вернулась. Стыд — был. И вина перед Ши Чжоу — тоже.

После похмелья и бессонной ночи сердце будто заныло — и он не хотел рисковать упасть в обморок на глазах у подчинённых.

Ши Чжоу усмехнулся. Если это не трудоголик, то кто тогда? Он своими глазами видел, как Цинь Яньчэн объединяет три приёма пищи в один, просматривает предложения за полночь — самый настоящий фанатик.

Взгляд Цинь Яньчэна скользнул к шее Ши Чжоу — на бледной коже проступали чёткие, багрово-синие отпечатки пальцев.

Но Ши Чжоу, казалось, не придавал этому значения — только шумно втягивал лапшу:

— Слышал твой звонок. Сегодня опять куда-то идёшь? На ужин домой вернёшься?

Он уже не мог смотреть на эти растворимые лапши. Но когда карьера встала, а деньги начали таять, даже три пачки лапши стали роскошью.

— Еду сегодня в «Цисин» покупать тебя. Ты со мной.

По дороге в машине настроение было почти приподнятым. Ши Чжоу качался в такт музыке в наушниках, хвостик на затылке подпрыгивал.

Его стойкость и полное отсутствие обиды сбивали Цинь Яньчэна с толку — он был как леденец, обмакнутый в горькую воду: горечь снаружи, а сладость внутри осталась нетронутой.

Цинь Яньчэн хотел что-то сказать, но, повернувшись, внезапно поймал взгляд Ши Чжоу — и замер. Тот, словно споткнувшись, быстро собрался и весело спросил:

— Эй, Цинь Яньчэн, а что ты вообще во мне нашёл?

Говорили, что он впервые в жизни стал содержателем. Просто так никто не платит. Какой у него интерес?

Губы Цинь Яньчэна сжались, на холодном лице промелькнуло нечто неуловимое. Он помолчал, а затем вдруг чуть улыбнулся:

— Не знаю.

Ши Чжоу опешил.

Но эта, едва заметная улыбка — была зловещей.

На ум пришла строчка из Цвейга: «Все дары судьбы имеют свою цену».

Такой подарок судьбы — Цинь Яньчэн, красивый, богатый, влиятельный, и всё это в расцвете — казался слишком уж хорош, чтобы быть правдой.

Но Цинь Яньчэн больше ничего не объяснял, оставив Ши Чжоу терзаться в догадках. Чем больше тот думал, тем тревожнее становилось.

— Эй, ты бы лучше прямо сказал...

Не успел он договорить, как почувствовал тяжесть на плече — Цинь Яньчэн, измученный, задремал, уткнувшись в него.

Запах его парфюма — Kingston Eau de Parfum Cologne for Men, древесный с нотами табака — смешался с ароматом мятного шампуня, вместе напоминая заснеженные сосны в горах.

Пахнет хорошо. Этот человек был и красив, и ароматен.

Ши Чжоу глубоко вдохнул, затем скользнул взглядом к его бледным, изящным пальцам. Не сдержавшись, слегка коснулся одного — прохладная, гладкая кожа вызвала мурашки по спине. Он тяжело сглотнул:

Абсолютное совершенство. Ещё один разочек — и всё.

Бывшие сомнения — бросить всё и сбежать от Цинь Яньчэна как можно скорее — на мгновение рассеялись.

Одуроченный красотой парень покачал головой, поспешно нашёл оправдание: Беднякам не приходится выбирать. У меня всё равно ничего нет, и ему от меня ничего не нужно.

В конце концов, совесть не позволила бы бросить Цинь Яньчэна перед лицом его предсказанной смерти.

Да и сам он не так уж плох. Даже сегодня, будучи явно нездоровым, он лично поехал в «Цисин», чтобы «купить» его.

Спустя какое-то время Цинь Яньчэн резко проснулся, как от кошмара, тяжело дыша, с затуманенным взглядом.

Ши Чжоу, всё ещё незаметно держащий его за руку и не успевший (да и не особо желающий) отпустить, быстро зажмурился, притворяясь спящим.

Сознание Цинь Яньчэна гудело, в глазах двоилось. Сон был таким ярким, болезненным, что его трясло. Голос той женщины — будто проклятие — цепко вцепился в разум:

— Чэнчэн...

— Будь хорошим мальчиком.

— Я тебя люблю больше всех.

— Чэнчэн, ты болен. Тебе нужно лечиться.

Тишина. Цинь Яньчэн убрал руку, а потом провёл холодным пальцем по шее Ши Чжоу, задержавшись на тёмных пятнах. Ши Чжоу едва не вздрогнул — страх сковал, а ещё почему-то щекотно. Он сжал зубы, чтобы не шелохнуться.

Его актёрское мастерство — когда-то названное одним известным режиссёром «безграничным» — выдержало. Цинь Яньчэн, похоже, поверил, но всё же протянул руку и сжал его хвостик.

Лёгкий рывок заставил Ши Чжоу откинуть голову назад, обнажив шею со следами. Не больно, но всё равно пришлось открыть глаза.

Эмоции Цинь Яньчэна бушевали, его разум лихорадочно подбрасывал образы прошлого — самого себя в юности, с дёрнутыми назад волосами, и тот приторно-нежный голос, словно сладкая мантра: «Ну же, выпей лекарство...»

Ши Чжоу в замешательстве встретился взглядом с этим пугающе неустойчивым выражением.

Вот дерьмо, он опять сходит с ума!

После вчерашнего безумия Ши Чжоу был по-настоящему напуган. В душе он выругался, стиснул зубы, затопал ногами — и в конце концов резко рванулся вперёд и смачно чмокнул Цинь Яньчэна в щёку!

Громкий чмок отозвался эхом в напряжённой тишине.

Цинь Яньчэн словно очнулся, его рука дрогнула, и он отпустил волосы Ши Чжоу, в глазах — полное замешательство.

<http://bllate.org/book/12639/1121002>